

УДК 821.161.1.0:929

ГРНТИ 17.09.91

«У ВЕКА БУРНОГО В ДОЛГУ»

Поэтическая судьба Леонида Чашечникова

А.А. Тихонов

Исторический парк «Россия – моя история. Омск»

Россия, 644074, г. Омск, 70 Лет Октября 25, корпус 2

Леонид Николаевич Чашечников (1933–1999) родился в Седельниковском районе Омской области. После окончания Тарского культпросветучилища работал в сельских клубах Тарского, Колосовского и Седельниковского районов, в тарской районной газете, где и опубликовал первые стихи. В Омске работал на заводе имени Баранова в многотиражной газете «Сельский строитель». Омичам оставил нестаряющую песню: «Я люблю этот город, мой город зелёный у могучей реки Иртыша». Более семнадцати лет отдал журналистике, работал в газетах «Советская Россия», «Сельская жизнь». Автор изданных в разные годы десятков книг, среди которых «Время жатвы», «Лебедь-песня», «Я вновь про это» и других. Незадолго до кончины Леониду Чашечникову удалось осуществить главную мечту – с помощью спонсоров выпустить в столичном издательстве самую солидную книгу «Русская Голгофа», в которую вошло двести пятьдесят стихотворений и две поэмы, полные тревог за Россию и надежд на её возрождение. Член Союза писателей России.

Ключевые слова: поэзия, творческая биография поэта, история литературы, память.

“IN DEBT OF THE PROCELLIOUS CENTURY”

Poetic fate of Leonid Chashechnikov

A.A. Tikhonov

Excursion Department of the Historical Park “Russia is my history. Omsk”

Russia, 644074, Omsk, 70 Let Oktyabrya Street 25, case 2

Leonid Nikolaevich Chashechnikov (1933–1999) was born in Sedel'nikovskiy region of Omsk. He worked at village halls at Tarskiy, Kolosovskiy and Sedel'nikovskiy regions, at Tara region newspaper. There was his first published rhymes. Leonid Chashechnikov worked at Baranov factory in the mass-circulation newspaper “The Rural Builder” in Omsk. Chashechnikov L.N. left the ageless song: “I love this city, my green city is near the mighty Irtysh river” for Omsk people. He gave to journalism more than seventeen years, working in the “Soviet Russia” and “Rural Life” newspapers. Leonid Chashechnikov is the author of dozens of books published in different years, including “Time of Harvest”, “Swan Song”, “I’m Again about This” and others. Just before his death, Leonid Chashechnikov managed to fulfill his main dream, with the help of sponsors, to publish the most respectable book “Russian Calvary”, which included two hundred and fifty poems and two poems apprehensive for Russia and hopes for its revival. He was the member of the Writers' Union of Russia.

Keywords: poetry, creative memoirs of a poet, history of literature, memory.

«Благословляя счастье и добро»

Всем известна простая истина: город – это не бетонные коробки зданий, а люди, населяющие его. Говоря о городе Таре, вспоминают воеводу Андрея Воейкова, разбившего хана Кучума, артиста Михаила Ульянова, художника Николая Кальницкого... Можно назвать много имён выходцев из Тары, которыми гордится регион и вся Россия. Среди них особое место занимает Леонид Чашечников. Он, без преувеличения, культурный символ города,

в очередной раз доказавший, что сибирская глубинка способна рождать больших поэтов настоящих, от земли, знающих мир вокруг и способных рассказать о нём.

Его не раз называли одним из талантливейших поэтов своего поколения, и во всех местах, где «певцу русской печали» довелось жить – Омске, Астрахани, Подмосковье, – о его стихах осталась добрая память. Но Тара – место творческого становления и мужания, а потому город для Чашечникова особенный. Михаил Белозёров, знавший Чашечникова с

юности, вспоминал момент, когда впервые узнал, что друг пишет стихи: «... он серьёзно попросил меня послушать и сказать своё мнение. Тут же заиграл баян, и запел Лёша, пытаясь делать это весело, но получалось печально: «Ну не хмурь же ты брови свои, нам с тобою поют соловьи...». «Это – не Есенин, – сказал Лёша, допев до конца. – Это – Леонид Чашечников. Причём, с собственными словами и музыкой. – Я потом, усмехнувшись, добавил: – Между прочим, и собственным исполнением...».

Начав работать в районной газете «Ленинский путь», Леонид Чашечников вошёл в замечательный творческий коллектив. Работал бок о бок с поэтами Яковом Горчаковым, Михаилом Белозёровым, Михаилом Сильвановичем. Трудясь в отделе писем, вместе с приятелем и коллегой Сильвановичем они исколесили весь район в поисках интересного материала для статей, очерков, стихов.

Жизнь помотала Чашечникова по свету. Из деревни Воскресенки Седельниковского района в село Екатерининское, затем – в Тару, Омск, оттуда – в Астрахань и Подмоскowie.

Когда в 1994 году Тара отмечала свой четырёхвековой юбилей, был среди гостей и Леонид Николаевич. Со сцены он читал землякам свои стихи, да как читал! Пронзительно, эмоционально, проживая каждую строку. И сейчас, спустя десятилетия, стихи большого русского поэта помнят и любят земляки, которым он адресовал со сцены свои яркие строки.

Леонида Чашечникова не стало в 1999 году, но память о нём живёт. Книги выдающегося земляка читают, а на тарской земле с 2013 года проходят региональные литературные чтения имени Леонида Николаевича Чашечникова. Четыре года назад Первые чтения собрали гостей из разных городов России, Украины, Белоруссии.

В марте 2015 года состоялись Вторые чтения, на которых жителям и гостям города была представлена литературно-музыкальная композиция на стихи поэта в исполнении артистов Северного драматического театра имени М.А. Ульянова. Это выступление для многих стало настоящим откровением. Чест-

ный, искренний и абсолютно безжалостный к себе Чашечников оказался близок каждому.

«Всё, кроме смерти, – беда не беда!»

На полках библиотек Омской области всё ещё можно отыскать потрёпанный томик стихов Леонида Чашечникова «Русская голгофа». Эта книга вышла из печати в последний год двадцатого столетия, последний год жизни автора. Задуманная как первый том дилогии, она

так и осталась в одиночестве. Хлипкий книжный блок рассыпается, страницы проклены скотчем, обложка погнута и вышаркана так, что различить на ней можно лишь изображение креста и надпись «Русская...». Книгу на север Омской области привёз Михаил Сильванович. Так главное детище поэта вернулось в края, где «в тридцать третьем, вьюжном

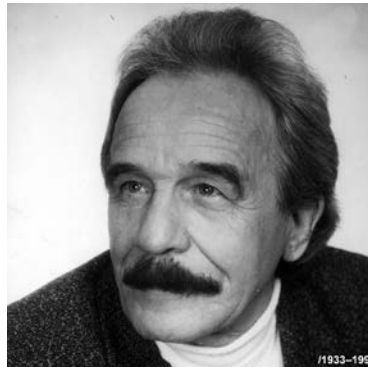
марте, / В избушке на краю села...» родился громогласный младенец, названный Лёней. Ни «повитуха Марфа», ни счастливая мать, Мария Чашечникова, и подумать не могли, что этому крошечному живому существу предстоит стать одним из крупнейших поэтов своего времени.

В глухой сибирской деревушке Воскресенке, где «знали горе и нужду, / Трудом мозоли наживали» прошло детство будущего поэта. Главным испытанием, закалившим волю юного Лёни, стала война, прокатившаяся по судьбам каждого селянина. Далёкая, перемальвающая полки и дивизии, она и в тихой провинции ощущалась обжигающе и явственно.

В поэме «Времена и сроки» – одном из главных исповедальных произведений поэта, Чашечников так описывает начало кошмара:

Война крестьян застала на покосе.
Приехал в табор третьего звена
Под вечер водовоз, старик Абросим,
И, заикаясь, выдавил: – В-война!
Бабёнки в слёзы сразу – охи, ахи,
А мужики – в дебаты о войне,
Хоть у самих холщовые рубахи
Примёрзли к мокрой от жары спине.

Воспоминания детства горьки и печальны, они отчётливо врезаются в память впечат-

лительного мальчика, застыли перед глазами
чредой страшных картин:

Не оправдать любой войной суровой
То, как, бывало, выла детвора,
Когда у вдов последнюю корову
За недоимки гнали со двора.
Не позабыть, как сторож, дед Василий,
Насыпал на току зерна в пимы –
И старика за это посадили –
Он так и не вернулся из тюрьмы.

Горечи тыла становились тяжёлым
эхом рокочущей на западе войны, а мальчик
Лёня наблюдал за жизнью односельчан и
ужасался тому, что переживает его страна
и близкие люди. Потому, когда на сломе эпох
россияне потянулись на отдых в Европу, поэт
писал:

Берлин и Кёльн, Мадрид и Рома, –
Всё «эль» да «эр» – петля, топор...
Я видел ту Европу дома
Такой, что страшно до сих пор.

Многим позже он написал стихи, в ко-
торых признавался, что досматривал за сы-
ном сны о войне, тем самым ограждая ребён-
ка от ужасов фронта и тыла, обрекая себя на
очередные сеансы кошмарных воспоминаний.

Чашечников стал тем человеком, кото-
рый имел полное право написать: «Берегите
Россию! В ней тесно солдатским могилам», –
ведь сам видел, как земля наполнилась могилами
в сороковые и позже, когда уходили изранен-
ные воины. Об этом одно из самых сильных
его произведений – «Я вновь про это». По сути
Чашечников в одном стихотворении создал
локальный эпос о селе и поколении ушедших.
Этакая «Илиада» без возврата, где к месту всё,
в особенности рефреном звучащее:

Я вновь про это, вновь про это –
Я вновь про баб да мужиков.
Стоит в тайге за Тарой где-то
Деревня испокон веков.

«Испокон веков» – вот с чего начинает-
ся эпос, уводя нас в дремучую древность.
А как давно это было? И поэт отвечает:

...кто упомнит? –
Ни Бог, ни мох на скатах крыш.

Вот уже и сам Господь не помнит,
насколько стара деревенька. А поэт не просто
родился, а «Явился, чтоб продолжить род» и в
нём «мужичья стать и прыть». Грядущим по-
колениям, что продолжат род, стоят напоми-
нанием обелиски, которые «...простоят ещё
века», напоминая живущим о бессмертном
подвиге ушедших.

Для него этот возвышенный тон, пере-
водящий стихотворение в эпическое, – само
собой разумеющийся. Поэт – часть эпоса, он
вещает изнутри, прозревая прошлое и буду-
щее, полынно-горькую жизнь в оба конца на
долгие годы.

Нравственным установкам и жизненным
принципам Лёни во многом помогло сформир-
оваться его детство. Растя без отца, мальчик
всё острее понимал тяготы жизни своей мате-
ри и иных женщин села, сравнивая их судьбу
с полыньёй, стойкой и горькой. В поэме «Вре-
мена и сроки» Чашечников восклицал:

...Какой дурак сказал, что бабы слабы?!
Когда б сбылось желание моё –
Я монумент бы отлил русской бабе
За силу и терпение её.

С раннего детства зрела в мальчике лю-
бовь к Родине, к суровой сибирской природе и
живущим на этой земле людям. Для него «ве-
ликая Россия / С этой же деревни началась».

Многому Леонида научили дед-лесник
«седой и властный», «ласковая бабушка» и
мама «разбитная, молодая». Старик надеялся,
что внук продолжит его дело, говоря соседям:
«Ращу я внука-лесника / На смену прадеду и
деду». Однако судьба повлекла Чашечникова
по городам и весям, уводя далеко от отчего
дома.

**«Не важно, как живут поэты,
была б поэзия жива»**

Поэта помотало по стране. Жизнь
настырно была «в душу, душу выбить силась»,
но испытания всё сильнее закаляли характер
Леонида.

Меняя места жительства, Омск на Аст-
рахань и Подмосковьё, Иртыш на Волгу, Ча-
шечников силится убежать от накаляющей
ностальгии. На берегах Волги ему чудился
плеск Иртыша и мелодия песни «Омские ули-
цы», написанной другом юности Михаилом
Сильвановичем.

Вновь и вновь поэт возвращался к теме прошлого, безвозвратно ушедшего времени первой любви. Писал о солдатской вдове Тосе, в которую был без памяти влюблён:

Послевоенные покосы!..
Среди безмужнего бабья
Была одна. Прости мне, Тося,
Что нынче тайну выдал я.
Но лет-то столько миновало!
Быль чернобылом поросла.
О, как ты, Тоська, целовала –
Взахлёб, без меры, без числа!

Но история эта – не бахвальство, а горький рубец на сердце, позволивший многое понять о жизни и признаться, что вдова любила вовсе не юнца, просто «походил я на солдата, / Который не пришёл с войны».

Вся жизнь поэта – череда измен, потерь, предательства. Нескладная и непоэтичная. И хоть порой он восклицал, дескать, «всё, кроме смерти, – беда не беда!», в каждом стихотворении чувствовалась боль. Собственно, Чашечников её и не скрывал. Он был по-мужски, по-мужицки даже, сдержан, но не скуп на эмоции.

Поэт вспоминал юность, но прекрасно осознавал, что осень его жизни на излёте, что «всё меньше дров в поленнице, а впереди – зима». Потому без утайки исповедовался перед читателями в своих стихах. Писал о женщинах, которых любил и которые любили его, о семье, о пристрастии к алкоголю, о своём и чужом предательстве. Искренне и горько, ведь только такой бывает исповедь человека, который оглянулся, и понял, что дров осталось на пару вечеров, а «дни идут на убыль». Он оглядывался и цепенел от ужаса и восторга: «Какие снега отмели и растаяли, Боже! / Какие леса повзрослели и сгнули вновь!».

Чашечникова не нужно идеализировать. Да, в молодости он пил, семейная жизнь разладилась, и вообще, поэт, скорее, пример того, как не построить дом, не вырастить детей, как разладить всё, что есть. Его можно корить за это, судить (ведь судить других у нас получается лучше, чем заглядывать в себя, верно?). Но одного не отнять – Чашечников признавал свою грешность и открыто говорил о себе:

А все мои невольные грехи,
Никчёмные борения и битвы
Забудутся. Останутся стихи,
Как робкое творение молитвы.

Остались не истории о склоках и сельских девушках, которые, якобы, почти все перебивали в постели поэта, а стихи – искренние, пронзительные. Шельмовать поздно, ведь «не важно, как живут поэты, / была б поэзия жива!».

Начиная писать о детях, Чашечников в глубине души радовался, что они «с судьбой на мою непохожей» и не повторили его ошибку. Тут же следовали строки о «жене, разделившей <...> и горечь, и мёд» и вдруг поэт переключался на возвышенное: «Лечу в запредельность и думаю: праведный Боже, / Когда снизойдёт Он и русскую душу поймёт?!».

Возникает ощущение, что строки о семье для него менее важны, нужны, приятны. А рассуждения о том, когда Господь снизойдёт на Россию и поймёт русскую душу, – напротив. Попытка укрыться в стихах от реальности, закутаться в кокон, где поэту комфортнее. Многие века до него искали ответ – не нашли, но Леонид окунался в бурное море вопросов. А жена, которая извела «горечь и мёд», уходила на второй план. Он художник слова, и житейское ему чуждо.

О месте поэта в мире, о поэзии как судьбе и кресте Чашечников писал часто и с болезненным самобичеванием: «На земле очень мало счастливых поэтов – / Оттого-то так много стихов о любви». Он вновь и вновь возвращался к дилемме любовь/творчество: «...Поэтов бы намного было меньше, / Когда бы у поэтов всё сбылось», и порой кажется, что пытался все житейские неурядицы списать на несовместимость творческого пути и семейной жизни. Поэт признавал, что в любви ему не везло, а в жертву сильным стихам порой приносились сильные чувства: «В любви поэты невезучи сплошь. / Пока научишься строке правдивой – / Десятки раз изранишься об ложь». Убеждённый, что там, «Где властвует любовь – безмолвствуют слова», он не мог жить во лжи. В особенности когда чувствовал «навязчивую горечь поцелуя», когда уже не любит и делает то, за что, точно знал, его осудят: «Пусть люди говорят про долг и всё такое – / Я больше не могу! Я у любви в долгу».

От спутницы же поэт требовал невозможного, оттого чувствовал даже рядом с любящей женщиной «пока ещё не одиночество, а одиночество души». Когда же эгоистичные запросы поэта аукались непониманием или предательством, он мстительно восклицал:

...Чтобы ты заметалась, завыла
Одичалой волчицей по мне.
Чтоб тебя от прозренья знобило
И, тщету свою бабью кляня,
Ты однажды себя разлюбила
И опять полюбила меня.

Последним словом в стихотворении звучит высокомерное «меня», а затем – точка. И тем удивительней, что написав это, не лукавил, не попытался представить свои душевные метания в выгодном свете. Написал всё, как есть, ведь поэт – такой же человек, обуруемый страстями.

О страстях подробнее... Чашечников не завидовал деньгам и славе. Его зависть – к гениальности поэтов, которые были способны создавать шедевры:

А был ли я завистлив? Нет и да.
Мечтая о грядущем воскресении,
Завидовал Рубцову и Есенину –
Богатству или власти – никогда!

Подчиняя свою жизнь творчеству, всецело отдаваясь поэзии и раздражаясь, когда его порывов не понимали, Чашечников неизменно оставался один. Он констатировал, что «был любимым лучшими из женщин, / Но Господом с поэзией повенчан, Остался одиноким навсегда».

Гнетущее одиночество виделось ему не результатом собственных действий и собственной неуживчивости, а закономерной ценой за дар поэзии. Настоящим художникам слова, отмеченным «печатью пророка», всегда одиноко, их никогда не понимают. Порой при прочтении стихов Чашечникова возникает острое ощущение, что временами поэт сам нагнетал непонимание, рушил отношения, чтобы душа и строка наполнилась горечью. Торжественно Чашечников писал: «По воле рока – до конца, до срока / Все боли мира сходятся на мне».

Для него ничего не было чуждого, горе и радость – «Всё это сквозь меня, во мне,

моё!». Оттого он честен и предельно самокритичен, боялся фальшивой строки, «как расплаты», и жил «у строк в пожизненной неволе». Порой он и рад бы вырваться, но – нет! В каком-то смысле Чашечников – один из тех пленённых солдат, которые «Идут – и не придут с войны...», совсем, как у поэта Александра Башлачёва: «на второй мировой поэзии / признан годным и рядовым». «Рядовому», отмеченному «печатью пророка» жизненная параболла уже начерчена.

«Высокие звёзды»

Леониду Чашечникову довелось многое повидать на своём веку. Морские «кружева прибой», цветущую степь... Однако, начав писать о чудесах окружающего мира, он неизменно оговаривался, что любые красоты сравнивает с родной Сибирью. Он жил и подпитывался не проходящей ностальгией по невозвратной юности, по сибирской тайге и дому. С годами поэта всё чаще тянуло «Шагать дорогою, которой / Шагал за возом правед». Он стремился уйти этой дорогой подальше от всегдашней суеты больших городов, однако «обречён любить и видеть / Глубинку ту из толчеи». Память о доме и глубинной, тихой России – его якорь в море смут «в час, когда закрутит лихо».

Поэт чувствовал, как менялась Россия. Споры суетливого, циничного образа жизни проникали в быт горожан и селян. Тихой Россия уже не будет. Вернувшись в родительский дом, Чашечников рассуждал о лживости и изменчивости нынешнего мира, в котором «сместились года и эпохи», приведя к тому, что «новое – в старом, а в новом – старьё». Всё смешалось в жизни людей и в умах. Пожалуй, лишь напластования истории в народной памяти не давали людям безоглядно броситься в омут страстей:

Как раньше от веры в Иисуса не стали
Легко отрекаться, так нынче в избе
Висят на заборке Столыпин и Сталин –
Две разных предтечи в народной судьбе.

Да и сами люди вокруг жили, «как на кладбище здравого смысла, / Где правда и кривда сошлись на парад». Однако поэт всё чаще вспоминал о малой родине. Там «правда и кривда», но в столице кривда сплошь. А на

Государство, рассуждаю – наше.
 Печь вот эта, стало быть, – моя
 И моя в печи из гречи каша.
 А тайга за окнами – ничья?
 Оттого-то волокут и тащат
 И жирует, множится жульё,
 Что в ничьё оборотилось «наше».
 – Раз ничьё, сам Бог велел – моё!..

Будучи человеком культуры, он часто общался с чиновниками, нуворишами и теми, кто норовит именовать себя новой интеллигенцией. Последние, к слову, самые страшные – жуткие «бандерлоги», уверенные, что именно они – культурная прослойка. Всех их поэт обличал в привычной, безжалостной манере:

Непотопляемый, упругий,
 Усвоивший почём почёт –
 Саму поэзию в прислуги
 Пристроил за народный счёт.
 Чтобы, приплясывая, пела
 Под свинг мажорная строка,
 Чтоб ублажала только тело,
 А ум – не трогала пока.

Это они – кромсатели культуры обосновались в городах, забыли простую истину – народу «...не прожить без двуединства, / Без братства города с селом».

Спасение же таится в самой деревне. Чашечников описал период посевной, когда типичный сельский мужичок вдруг решился выйти в поле, надев белую навывпуск рубаху и «сотворив земной поклон», а после «добавил: – С Богом, – он, / Хотя навряд ли верил в Бога». Это следование полузабытым традициям, живущим в потаённых уголках народной (генетической?) памяти поразило и самого мужичка и поэта, который одновременно радовался происходящему и не верил до конца, что новый росток настоящего пробился через года и века. Житель села, человек от земли, шёл по полю, которое помнило его пращуров, в рубахах навывпуск, с горстями пшеницы, и засеивал его.

А мы вымарываем из своей памяти и души былое. В этом поэту виделась трагедия. Он предрекал пожар: «Клён сгорел. Рябина догорает. / Впереди – и Родине гореть...». Пламя раздувает каждый из нас, мир меняется необратимо, в нём «Коварство правит и металл». А на просторах России забытые всеми

сёла ждут, пока проснётся народная память: «В урёме загорской домов одичавшая горстка / Над полюшком белым белесые стелет думы».

Образ дома крайне важен для Чашечникова. Дом для него традиционно – русский мир, Россия и вписанная в неё малая родина на берегу реки Иртыш. Обязательно нужна река. Без неё никак, ведь тайга, река и память – три кита творчества Чашечникова. В молодости поэт «...мечтал построить дом: / В конце села, за кузней, над прудом», однако в годы зрелости привык к горемычной судьбе поэта, у которого нет своего дома, который шёл по России и по творческому пути, набивая шишки, а каждый приступ боли отзывался новыми стихами.

...А дом с рябиной – будет, как помру,
 К нему слетятся птахи по утру
 И прощечбечут песенку о том,
 Как я при жизни – не построил дом.

Поэт понимал, что народ без деревни не выживет, ведь «Сильна Россия и спокойна / Пока крестьянин в поле есть». И пока вокруг слагали оды политикам и нуворишам, он писал «Оду крестьянским рукам».

Чашечников не сводил рассказ о деревне к монохромному представлению белого и чёрного. В описываемой им деревне, как и в реальной жизни, все цвета и полутона. Здесь и пьют, и любят, и страдают, предаются и каются, наивно верят в лучшее, но ждут худшего.

А пьют в Сибири здорово,
 Размашисто, по-русски!
 В пивнушках, под заборами,
 С закуской, без закуски.
 От слабости, от гордости,
 С друзьями и без оных,
 Глуша обиды-горести
 Вином и самогоном.

Обсуждение главных тем и животрепещущих вопросов ведётся за столом. Этакое пьяное сельское вече перемалывает одну новость за другой:

Их мозг сверлит отчаянно
 Иной вопрос, признаться:
 Случайно, не случайно ли
 Глупеет нынче нация.
 Случайно, не случайно ли,

Нахально иль законно,
Свой лик несут начальники
В народ, аки икону?

Селяне у Чашечникова не глупы, как это показано у некоторых поэтов, не мудры, а подетски наивны. Они такие же, как он, точнее он – такой же, как они. Селяне спрашивают у городского жителя, будто у светоча знания, не понимая, что он ни о чём новом им не расскажет. Отвечая на вопрос, чего теперь ждать, он сообщал: «– Не ведаю, / Но будет худо, братцы!». Предошущение грядущего пожара не оставляло. А иначе и не может быть, ведь по всей стране «...Стоят обелиски, как надолбы, / Пред новою сечей большой». Чашечников постоянно ждал слома, новых испытаний, не привыкший жить спокойно и мирно, уверенный, что в спину вонзится нож, и понимающий – нужно успеть высказаться.

Россия в представлении поэта – страна, «которая вечно кого-то и что-то мучительно ждёт. При этом всё в мире не случайно, всему есть своё место в божием замысле. Даже листья на деревьях нужны, «Чтобы присел усталый путник в тень», добро и зло тесно сплетены. «Зарю предвещая, кричат петухи в полумгле», и кажется, что добро победило, «Но вороны взмыли в ненастное плоское небо». Быть может, и Россия несёт свой крест, проходит своим путём. Однако небо над Россией родное для поэтов и птиц – перелётных, парящих под облаками и за облаками, витающих в облаках. «Не всё то небо, что у нас в России, / Но, птицы, ваша родина – у нас!». Чашечников и сам, как та птица, улетел, чтобы вновь и вновь возвращаться на родину, пусть и в воспоминаниях.

«Я выпустил все радости на волю»

Осень – пора увядания, и в последние годы жизни поэт чувствовал, что осень его жизни заканчивается, «отцветает душа». Всё больше сильных, исповедальных стихотворений выходило из-под пера Чашечникова, но «когда деревья осенью цветут – / Они цветут обычно перед смертью».

Когда Чашечникову было уже под пятьдесят, он окончил Высшие литературные курсы при Литинституте им. А.М. Горького, однако к этому времени уже был состоявшимся поэтом и гражданином, имел своё

мнение по самым разнообразным вопросам, а об истории России, в частности о революционных событиях семнадцатого, по словам Михаила Сильвановича, обладал энциклопедическими знаниями.

Поэт много в жизни натворил. Пил, «куролесил», и сейчас, когда Чашечникова активно ругают за эгоизм, тяжёлый характер, стоит вернуться к стихам поэта, чтобы понять, что он был сам себе безжалостным судьёй. Михаил Сильванович писал: «Надо прочесть и перечесть всё им написанное, и ответ придёт сам собой – это типичная жизнь таланта, умещённая в один мотив, в одну песню, в которой ни строчки, ни слова нельзя перепеть иначе».

Пожалуй, лучше, чем Сильванович, о Леониде Чашечникове не сказал никто. И не напишет, ведь он на протяжении всей жизни был лучшим другом поэта и прекрасно понимал, чем жил Чашечников, во что верил и к чему стремился. Выслушивая очередную порцию упрёков в адрес покойного друга, Михаил Иванович отвечал, что Чашечников «тремя инфарктами с перерывами в несколько лет заплатил за всё, что выпало ему по судьбе».

Всякая жизнь для человека дорога. Путь от младенчества до старости, за которой маячит неизбежное. Нередко в стихах Чашечникова встречаются рассуждения о дороге и жизненном сроке, отмеренном поэту Господом.

Над бесконечностью дороги
Трепещет алый стяг зари –
И лик Христа на стяге этом –
То правды свет и жизни цвет!
Для православного поэта
Иного не было и нет.

Он не жалел себя, стремясь пройти достойно, оставив после себя сильные, честные строки. И пусть люди, не понимающие внутреннюю кухню литературного творчества, усмеваются: «ну да, «садил» сердце, вписывая строчки в блокнот...». Но читая «Вчера, над строчкой среди ночи, / Зажало сердце – хоть кричи» веришь поэту, ведь именно такое, самосжигающее бдение над стихами присуще не просто поэтам, а настоящим «демиургам языка». О таких писал Санкт-Петербургский поэт Игорь Царёв:

...Но кто бы знал, какой ценой
Им достаётся почерк лёгкий,
И сколько никотина в лёгких,
И сколько боли теменной,
Как прогорая до трухи,
В стакане копятся окурки,
Как засыпают демиурги,
Упав лицом в свои стихи.

Чем не портрет поэта? Друг и соратник Чашечникова, Михаил Сильванович в предисловии к крайней, посмертной книге друга «Цветы и тернии любви» писал: «Сердце разорвалось во сне. Смерть оказалась легче жизни, в которой он маялся и слишком долго был одинок – под конец остался в своей однокомнатной квартирке вдвоём с котом Шуркой».

Стихи и проза – вот то богатство, выжимка душевных терзаний, путевые заметки

Тихонов Александр Александрович – заведующий экскурсионным отделом Исторического парка «Россия – моя история. Омск». tihonovboss@mail.ru.

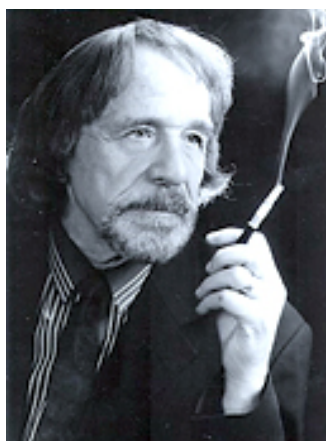
идущего по стезе пророка, что осталось нам в наследство от Леонида Чашечникова. Мы – страна крайностей: «У нас ведь как: молитва или мат», – и Чашечников прекрасно понимал русскую душу, будучи предельно откровенным. Он рассказал о себе, но рассказал так, что каждый может задуматься и найти ответы на множество терзающих нас вопросов.

«Когда человек ушёл, – писал Михаил Сильванович, – ничто уже не может ни убавить, ни прибавить к его достоинствам и недостаткам, если, конечно, полностью исключить лжесвидетельство. Но можно бесконечно итожить крупички опыта, оставшегося от общения с ним». Впрочем, Чашечников не ушёл, он растворился в своём бессмертном народе, как и мечтал. Финал для настоящего демиурга.

Tikhonov Aleksandr Aleksandrovich – Head of the Excursion Department of the Historical Park “Russia is my history. Omsk”, tihonovboss@mail.ru.

Леонид Чашечников

Лебедь-песня

У меня две реки, как две верных руки:
Справа – гордый Иртыш, слева – вольная Волга.
У меня по России везде земляки
И причалы везде на пути моём долгом.
На яру постою – Ермака воспою,
На песчаной косе возвеличу Степана.
У меня две реки, как две сильных руки,
Караваны ведут – кораблей караваны.
Справа – глубь-глубина, слева – голубь-волна.
Правой сила дана, левой нежность и ласка.
И на все времена лишь Россия одна –
Лебедь-песня моя, моя вечная сказка.

